

Пыпина Вера Александровна

**Любовь в жизни
Чернышевского:
Размышления и
воспоминания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В31

В31 **Вера Александровна П.**
Любовь в жизни Чернышевского: Размышления и воспоминания / Пыпина
Вера Александровна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 140 с.

ISBN 978-5-519-80074-7

ISBN 978-5-519-80074-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

В стремлении выяснить для себя интересовавший меня вопрос о любви Чернышевского, я, в разное время, в моменты различных настроений, записывала свои мысли по этому поводу, записывала исключительно для себя, решительно не предполагая когда-либо встретить собеседника-читателя.

Теперь, когда вопрос, некогда для меня жгучий, уже отошел в область исторического прошлого, когда об Ольге Сократовне, жене Чернышевского, стали появляться в печати случайные отзывы, а в Саратове настойчиво говорится о желательности образовать кружок для изучения Чернышевско-Шыпинского архива,—теперь мне пришлось подумать,—не пригодятся ли мои заметки в качестве материала для характеристики Чернышевского просто, как человека, вне сферы его литературно-публицистической деятельности.

Имя Ольги Сократовны так тесно связано с самим Чернышевским, что сказать о ней правдивое слово, мне кажется, надлежит всякому, кто знал ее и может объективно-вдумчиво отнестись к ее памяти.

Таковы соображения, преодолевшие мою робость и побудившие меня сдать написанное в печать.

Объединяя мои заметки в одно целое, я исключала по возможности все лично-субъективное, но

тем не менее сохранила отрывок из моих старых воспоминаний потому, что он, думается мне, отражает построение не только некоторых членов семьи Пыпиных, но и многих современников Ольги Сократовны, почитателей Чернышевского.

Для круга лиц, в свое время увлекавшихся ею, она оказалась ярким «мимолетным видением», а для самого Чернышевского она была земной «Прекрасной Дамой», на всю жизнь овладевшей его широким и глубоким чувством.

В «Дневнике», «Прологе» и письмах из Сибири Чернышевский сам отчетливо и правдиво раскрыл все, из чего сложилась его непоколебимая привязанность к той, которую, однажды полюбив, «как душу свою», он поставил в исключительные условия, не предъявляя к ней никаких личных требований, а напротив: «открыто и формально, без всяких оговорок», предоставляя ей полную свободу.

Мысль о тяжелом, зависимом положении женщины вообще никогда не покидала Чернышевского. И правда, мог ли он, с юных лет скорбевший за всех угнетенных неравенством, мог ли он примириться с моральным и материальным порабощением женщины своего времени, мог ли не стремиться к освобождению ее от всяческих цепей и от пут условной морали?

Каким важным ни считал он образование и умственное развитие, но ближайший путь к раскрепощению женщины он видел для нее в праве на свободу чувства. «Когда мужчина признает равноправность женщины с собою, он отказывается,—говорил Чернышевский,—от взгляда на нее, как на свою принадлежность. Тогда она любит его, как он любит ее, если же она не хочет, он не имеет никаких прав над нею, как и она над ним». «Равноправность любящих, равное отношение между ними, как людьми»—залог «уважения того, с кем живешь». Для этого «только надобно иметь чистое сердце и чест-

ную душу» («Что делать?»). То и другое было у Чернышевского.

В близких отношениях с любимыми женщинами большинству лучших людей приходилось, как известно, переживать не мало душевных драм. Эти интимные драмы волнуют сложностью и безысходностью страданий тех, кто стремился в заключительном, примиряющем аккорде «по-человечески» изжить испытание. Таковы, к примеру, драмы Герцена и Огарева.

При наличии совершенно разнородных, резко несочетаемых в своей сущности элементов, какими были Николай Гаврилович и Ольга Сократовна, можно было предугадывать если не внешнюю, то затаенную драму. Но любовь к жене была у Чернышевского любовью действительной, насквозь проникнутой неотделимою от него самого идейностью. В любви он оставался все тем же прямолинейным и стойким. Он любил, забывая себя, убежденно «служа» одной из многих, чья печальная участь так давно шевелила его сердце. В этом служении таился источник огромной силы, сохранившей в кристальной чистоте светлое чувство его к «милой Радости»; идейная сторона этого чувства неотделима от Чернышевского, «проповедника свободы», каковым он себя мыслил и каковым оказался во всей полноте этого образа.

Сын Николая Гавриловича и Ольги Сократовны, Михаил Николаевич, поддержал меня в намерении напечатать предлагаемые «Размышления и воспоминания» и предоставил мне как свои личные записи о прошлом, так и письма своей матери, документальный материал, подтверждающий то, что мне помнилось и думалось об Ольге Сократовне. Приношу за это Михаилу Николаевичу мою искреннюю благодарность.

Большую отзывчивость встретила я также со стороны племянницы моей, Нины Михайловны Чер-

нышевской-Быстровой, разделяющей мой интерес к семейной старине. Неумоимо собирая и доставляя мне из далекого Саратова все, чем еще можно дополнить Чернышевско-Пыпинский архив, Нина Михайловна стала для меня ценным и поистине незаменимым сотрудником.

Петербург.
Январь 1922 г.

В 1916 г. М. Н. Чернышевский закончил разбор переписки незадолго перед тем скончавшейся одной из наших теток. Все письма, относящиеся к общесемейному архиву Пыпиных и Чернышевских, мы с Михаилом Николаевичем решили присоединить к тому, что нами было собрано раньше и что уже составляло значительный материал для картины патриархального гнезда, более полувека не только сохранявшего свою оригинальную индивидуальность и здоровую старозаветную традицию, но сумевшего также пойти навстречу запросам просвещения и новых веяний.

В центре всей объединенной переписки (1850—1904)—старики Пыпины: «мамичка» (Александра Егоровна) и «папичка» (Николай Дмитриевич), а также никогда не разлучавшаяся с ними старшая дочь их—Варенька, ангел-хранитель саратовской семьи. К ним шли письма от детей, внешне оторвавшихся от своего города, но связанных с ним глубокими корнями крепкой привязанности и уважения к родителям, нежными и дорогими воспоминаниями о домашнем укладе быта и безбрежных разливах родной Волги.

— Знаешь,—сказал мне однажды Михаил Николаевич,—многие из этих писем напоминают мне войну Алой и Белой розы... ведь в редком письме не встретятся буквы: О. С. (Ольга Сократовна) ¹⁾.

¹⁾ Несомненно, что, при всей сдержанности общего тона,—сообщались по большей части лишь факты текущей жизни—

— Совершенно понятно,—прервала я его недоговоренную мысль,—все то, к чему мы теперь относимся объективно, в чем можем разобраться, все это волновало тех, для кого было живой действительностью и волновало, несомненно, глубоко, если отразилось в письмах таких сдержанных людей, какими были Пыпины.

—Ну разумеется,—продолжал Михаил Николаевич,—антагонизм их понятий очевиден: с одной стороны цельные, ясные, выдержанные натуры, с другой—горячая, неудержная женщина, из хороших условий попавшая в дурные, заболевшая нервно... Ее не понимали...

—Не совсем так,—возразила я,—но тут, к сожалению, кто-то вошел, и разговор наш оборвался...

Условия,—хотела я сказать,—в одном отношении всегда были неблагоприятными для Ольги Сократовны: жизнь смолоду не вызывала ее на борьбу. С малых лет она привыкла руководиться исключительно своим минутным желанием, могла делать и говорить, что ей вздумается; ее удаля и взбалмошность развивались; успех среди саратовской молодежи укреплял ее самоуверенность.

Отец Ольги Сократовны, Сократ Евгеньевич Васильев, был довольно известный в Саратове доктор. В молодости он жил в Камышине, и в числе его пациентов был, между прочим, один из генералов 12-го года, Кирилл Федорович Казачковский. В благодарность за успешное лечение он предложил молодому доктору руку одной из своих дочерей

в письмах мамочки, главным образом, ясно отражается ее общее горестно-неодобрительное суждение об Ольге Сократовне. Постоянное упоминание о ней относится почти исключительно ко времени заключения Николая Гавриловича в крепости (1862—64 г.г.).

—Анны Кирилловны. Вскоре после свадьбы дочери отец умер, а молодые переехали в Саратов, где и прожили, до самой смерти, в кругу очень многочисленной семьи,—у них было тринадцать детей, из которых старшей была Ольга Сократовна (род. в 1833 г.). По своему времени Анна Кирилловна была довольно образованная женщина, но образования внешнего: она рисовала, играла на фортепиано, вышивала, говорила по-французски. Обладая очень энергичным, властолюбивым характером, она держала весь дом в своих руках. Средства у Васильевых были отличные. Они жили в собственном доме, в самом центре города, держали лошадей и много прислуги, жизнь вели светскую и не считали денег.

Так длилось, однако, недолго. Выйдя замуж по настоянию отца, Анна Кирилловна, повидимому, сочла себя несчастной. Она стала замыкаться в себе, избегать общества, впала в религиозность и, наконец, повела затворническую жизнь. К детям она была строга и не скупилась на выговоры и внушения. Они побаивались матери, но относились к ней внешне почтительно и по праздникам собираясь вокруг нес, поочередно читали акафист. Но при чрезмерном баловстве и попустительстве отца, не только не стеснявшего их, а напротив, поощрявшего к всевозможным шалостям, строгость матери не приносила результатов.

Сам глава семьи, Сократ Евгеньевич, вносил в дом редкую беспорядочность. К своей медицинской практике он относился добросовестно и нередко ему удавалось излечивать болезни, не поддававшиеся искусству других врачей, но в личных привычках он был распущен до крайности. Так, например, возвращаясь с практики, он еще в передней начинал раздеваться, чтобы скорее облечься в свой засаленный халат; в самом кабинете, как и во всем доме, было грязно, и царил невероятный хаос. Это его не смущало, ибо к чистоте и опрятности он был до крайности равнодушен. В каби-

пете он усаживался в кресло, закуривал сигару и, наслаждаясь курением, плевал в потолок.

«Страшная загрязненность комнат», неряшливость и распущенность в доме Васильевых так в свое время «неприятно» поразили влюбленного в Ольгу Сократовну Чернышевского, что он собирался даже «говорить ей в ближайшее свидание о том, что у них в доме страшный беспорядок, и она должна бы заняться хозяйством» (Дневник).

Неряшлив был Сократ Евгеньевич не только в своих привычках, но и в речи. Его остроты бывали грубоваты, и он не только не стеснялся высказывать их при детях, но даже и детей поощрял, когда они повторяли его выражения, и давал им за это лакомства и деньги. Особенной беспорядочностью и весельем отличались обеды в отсутствие матери. Когда же вообще она им делала замечания при отце, он говорил ей: «матушка, вы старого воспитания, потому вам многое кажется не так!»

Все это при личном знакомстве с Сократом Евгеньевичем сглаживалось его непомерною доброю. С людей небогатых он совершенно отказывался брать за визиты и не унижал себя никакими сделками с аптеками, как это было свойственно другим саратовским докторам того времени. Расчетливость вообще не была в его натуре, и в своих тратах он был так же беспорядочен, как и во всем прочем обиходе.

Между тем особенности и странности Анны Кирилловны все более развивались. Почти все время она проводила у себя в комнате, оттуда распоряжалась по хозяйству и там же принимала гостей. Только иногда летом в жаркую погоду, в теплом капоте и в шубе, окруженная детьми и прислугой, она выходила в сад и садилась за стол, уставленный лекарственными снадобьями. Но и тут она боялась простудиться. «Ведите меня отсюда, здесь сквозной ветер», — говорила она, — и шествие направлялось обратно в ее комнату.

При такой обстановке дети росли, предоставленные самим себе. За их своеволие и резвость знакомые называли их детьми природы.

Разделялись дети на любимых и не любимых. Первенец семьи—Ольга Сократовна—была любимцей отца. Любимцами матери были Анна, Ростислав и Вендикт (впоследствии ученик Чернышевского по гимназии).

Ольга Сократовна воспитывалась некоторое время в Камышине, в пансионе пастора Конради, но живая и привыкшая к полной независимости шаловливая девочка не хотела подчиняться правилам пансиона, и почтенный пастор должен был просить родителей взять ее домой.

Дома жизнь Ольги Сократовны потекла весело и беззаботно. В играх она была ближе к братьям, которым не уступала в удали и бойкости. За цвет лица и быстроту движений ее прозвали «цыганенком». «Я была бедовая девочка» — вспоминала о себе самой Ольга Сократовна. Знавшие ее говорили, что она была «необыкновенно мила, кокетлива, игрива, забавна, весела, жива и бойка». Когда она выросла, успеху ее в саратовском обществе не было конца ¹⁾.

Я имела в виду напомнить Михаилу Николаевичу как разворачивалась жизнь Ольги Сократовны, — отец предоставлял ей полную свободу, а «нелюбившая» ее мать в сущности ей не мешала, но от этой неприятной матери она торопилась освободиться.

Ко времени знакомства с Чернышевским Ольге Сократовне было двадцать лет. Уже не раз приходилось страдать ее самолюбию: и вне дома многие

¹⁾ Сообщ. М. П. Чернышевский; см. также ст. Лебедева по материалам Духовникова—«Русск. Старина», 1912 (книга 4 и 5).

осуждали ее за пренебрежение к предрассудкам, к чему особенно чувствительна глухая провинциальная среда, где частная жизнь каждого на виду, — и дома усиливались столкновения с недовольной ею матерью. Совершенно понятно, что Ольгу Сократовну тянуло из дому и что она стала серьезно подумывать о замужестве. Случай представился исключительно благоприятный.

26 января 1853 г. на вечере у Акимовых¹⁾ она познакомилась с Н. Г. Чернышевским. День этот для Николая Гавриловича оказался знаменательным.

Своим свободным обращением и лихим нравом Ольга Сократовна сразу освободила его от гнета застенчивости и отсутствия светскости, мешавших ему подойти к женщине.

Ольга Сократовна поразила Чернышевского и своей красотой. «Она решительно хороша! Удивительно хороша!» — восторгался он. Но еще более, чем красота, привлекали «живость, бойкость, и инициатива характера и обращения» Ольги Сократовны: «Чем более смотришь на нее, тем более восхищаешься, увлекаешься ею», — читаем мы в его дневнике.

И действительно, прекрасно сложенная, с выразительными черными глазами, унаследованными от отца, как смоль черными, густыми волосами, оттенявшими прелестный овал лица, Ольга Сократовна затмевала первых саратовских красавиц. Ее огромному успеху среди молодежи способствовало также ее вольное обращение, независимое от понятий о светских приличиях, которые в то время требовали от молодой девушки наружной скромности, как бы застенчивости. В Ольге Сократовне ничего подобного не было. Что у нее было на уме, то и на языке. К тому же и выросши она медлила расстаться с привычками «мальчишества», приобретенными в вольных стенах родительского дома. Она выходила одна, без сопровождения старших, не только днем,

¹⁾ Зажиточные саратовские старожилы.